

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Дарья **ДОНЦОВА**

Татьяна **ГАРМАШ-РОФФЕ**

Галина **КУЛИКОВА**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Дарья Донцова

Рождественский детектив

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Рождественский детектив / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2019 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-106554-6

Каждый год мы с нетерпением ждем рождественских праздников – этого удивительного времени, когда на улицах и в домах появляются нарядно украшенные елки и зажигаются яркие огни, а в душах людей поселяется ожидание чуда. Одно из таких чудес вы держите в руках! Сборник рождественских остросюжетных рассказов самых известных и любимых авторов – Дарьи Донцовой, Татьяны Гармаш-Роффе, Галины Куликовой – и других талантливых писателей, которые удивят вас неудержимым полетом фантазии, обаятельными героями и, конечно, подарят вам и вашим друзьям и близким особенное праздничное настроение!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106554-6

© Донцова Д. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Билет	6
Рождество по-русски	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Рождественский детектив

Сборник

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Билет

Вы были в Турции? Наверное, да. В Турции, такое ощущение, все были. Все, да не все... Алена Дмитриева, писательница, к примеру, там не была. Причем поехать в Турцию она собиралась несчетное количество раз. Собиралась она так: начинала планировать, в каких числах поедет, какую сумму сможет истратить на путевку и шопинг, искала в Интернете на турфорумах отзывы людей, лишь недавно вернувшихся из этой замечательной страны и еще пребывающих в состоянии эйфории – или, напротив, ужасной злости. На самом деле сплошь и рядом встречаешь и тех и других. Первые лишь укрепляли Аленино желание поехать в Турцию, вторые... нет, не охлаждали, отнюдь. Она просто пропускала их мимо глаз (в смысле, не читала эту ерунду, да и все!) и с негодованием думала, что эти люди просто не умеют ловить блаженные мгновения, которые предоставляют им отдых, море, солнце, магазины, необычная еда, полная расслабуха, знойные брюнеты, которые шныряют вокруг (Алена в принципе предпочитала – и даже весьма предпочитала! – блондинов, но иногда очень даже довольствовалась брюнетами, тем паче, насколько она знала, блондины в Турции в таком же дефиците, как, к примеру, брюнеты в Норвегии), ну и все такое, что можно назвать одним словом – отдых в Турции! Также в понятие «сборы» включались походы в туристические агентства и рассматривание разноцветных, ну просто бьющих по глазам солнечными красками проспектов.

И вот, набрав этих проспектов охапку и взяв визитку менеджера, Алена уходила «подумать» с обещанием непременно вернуться завтра и выбрать маршрут. Со стыдом признаюсь: она не возвращалась никогда. Дома веселенький воздушный шарик под названием «Алена Дмитриева едет в Турцию!» начинал потихоньку сдуваться. Она не любила рекламные проспекты в принципе. Они ее не возбуждали, а расхолаживали. С гораздо большим удовольствием она посмотрела бы обычные любительские снимки с натуральными улыбками – такими, знаете, счастливыми до ошалелости. На рекламных плакатах ничего подобного никогда не получается. Там все зубы сушат, только и всего.

Ну вот... поглядит-поглядит наша героиня на рекламки и почувствует, что у нее начинается конъюнктивит от чрезмерной морской синевы и ядовитой зелени окружающей природы. И решит – да на что мне эта Турция (Египет, Тунис, Марокко, Эмираты, нужно подчеркнуть) сдалась?! Вот еще – деньги тратить.

Почему она так поступала? Думаете, хобби у нее было такое? Кстати, а почему бы и нет? Хобби всякие бывают, еще и похлеще. К примеру, прийти в магазин, набрать и перемерить кучу вещей, пойти к кассе – и вспомнить, что забыла деньги. Ну, натурально, посокрушаться – и убежать за ними, отложив вещи «не более чем на полчаса». Ежу понятно, что ничего вы не забывали, ни о чем не вспоминали и никогда не вернетесь – просто потому, что ничего не собирались покупать, а просто хобби у вас такое. Конечно, потом в этом магазине лучше не появляться. Или появиться не скоро, когда продавщица забудет вашу лживую физиономию. Впрочем, в Нижнем Горьком довольно много магазинов... Конечно, количество их здорово сократилось из-за пресловутого кризиса, но все равно – осталось достаточно. Но, само собой, истинное раздолье для таких «хоббитов» – Москва. Или, к примеру, Париж, где магазины и бутики ну буквально на каждом шагу и где своей страсти можно предаваться с утра до вечера.

Кстати, именно этот прекрасный город (я имею в виду Париж, само собой, а не Москву, что в ней прекрасного... ну разве что собор Василия Блаженного, и Третьяковка, и Большой театр, и Музей изящных искусств, и... ну ладно, так и быть, согласимся, что и в Москве все-таки много чего есть восхитительного!) был некоторым образом виноват в том, что Алена Дмитриева занималась этим странным хобби неосуществленных туров. Потому что, как только она являлась домой с рекламными проспектами и пыталась подавить в себе недоверие к безумным улыбкам и ультрамариновым волнам, убеждая себя, что нужно хоть раз в жизни «отдохнуть как

все нормальные люди», то есть свалиться около бассейна и лежать в лежку, слушая отдаленный шум прибоя и порой отмахиваясь от назойливых брюнетов, – так непременно выпадала оказия отправиться во Францию. У Алены Дмитриевой были там друзья, которые обожали ее и то и дело присылали ей приглашения, а она не могла отказаться, потому что обожала и этих друзей, и Францию. Это такая страна... А Париж – это такой город! Там красиво всегда, в любую погоду, в любое время года. И даже зимой. Тем паче – зимой! Тем паче – на Рождество!

Вот и на это Рождество Алена получила приглашение приехать в Париж, так что все брожения ее ума в направлении Босфора и Дарданелл оказались пресечены еще в зачаточном состоянии. Конечно, в Париж! Она уже взяла билет (имея годовую визу, сделать это легко, были бы деньги) и закупила красной икрой (черную запросто могут выместить на таможне, не на нашей, так на французской – железно, а к красной пока отношение плевое, как в данном случае выразился бы поэт Владимир Маяковский) для подарков всем своим парижским знакомым. Лететь предстояло завтра, то есть нынче вечером в Москву на поезде, а оттуда уже в Париж. Но утром она посмотрела в Интернете прогноз погоды на Рождество и Новый год и вздохнула огорченно. И огорчение зависло над ней надолго. Вот и сейчас она стояла на трамвайной остановке и думала о том, что не только в деревне Гадюкино дожди – в Париже на Новый год тоже грозят ими. Алена уже один раз словила подобный кайф. Нет, она спокойно относилась к тому, что снег на Новый год лежит только на Елисейских Полях, да и тот – искусственный, но когда все это полито обильным ливнем, таким, что носу из дому не высунуть все каникулы... Конечно, конечно, Париж прекрасен всегда, но...

Размышляя о Париже и дожде, Алена ждала трамвая и, придерживая на голове широкий капюшон своей коротенькой каракулевой шубки, прятала нос от ветра в его песцовую оторочку. А ветер, как умеет делать только и исключительно нижегородский ветер, дул со всех сторон, преимущественно с той, куда поворачиваешься лицом. Уж Алена от него и так, и этак... А трамвай все не шел. Запросто авария может быть где-то на городском кольце, а в принципе «двойка вообще плохо ходит». Алена уже сто раз изругала себя за то, что поддавалась слабости и не пошла пешком. На самом деле до любой точки городского кольца можно дойти минимум за пять, максимум за сорок минут. И время было, на дворе рань несусветная. Но угораздило ее сегодня надеть эти новые сапоги на каблуках! Они оказались такими скользкими! Может, конечно, в Париже в них будет самое то, на стертой брусчатке Латинского квартала или на узких тротуарчиках Монмартра, но спускаться с Лыковой дамбы на Ильинку в Нижнем Горьком в этих сапогах опасно для жизни, особенно в такой день, как сегодня, когда после оттепели ударил мороз. Мороз и ветер. Ох, господи, воистину, ветер, ветер на всем белом свете!

Еще хорошо, что у нее капюшон, а каково вон тому молодому человеку в сером пальто, с непокрытой головой? И так повернется, и этак, воротник поднимает, голову вовсе в плечи вжал, а ветер все равно достает!

В конце концов Алена нашла угол поворота, при котором вездесущий ветер хотя бы в лицо не лез. Теперь можно было даже нос из душного песка высунуть, вдохнуть свежего воздуха и приоткрыть один глаз. Перед этим глазом оказалась темная красивая дверь в красивой желтой стене Дома культуры имени Свердлова (да, вообразите, такие анахронизмы в честь «знатного земляка» в Нижнем Горьком и по сию пору просто-таки махровым цветом цветут, а между тем некогда в этом доме помещалось Дворянское собрание!). Около двери Алена увидела вывеску «Travel везде. Турфирма» и невольно усмехнулась, оценив и юмор создателей этой фирмы, и иронию, так сказать, судьбы. Ну вот не сдается она без боя! Так и норовит искутить писательницу, практически уже отправившуюся в Париж! Стены были залеплены разноцветными листовочками, со страшной силой предлагающими дешевые и супердешевые путевки в Турцию – Паландокен, Улудаг и Картаклаю. «Что делать зимой в Турции?» – испугалась Алена. Приглядевшись, она обнаружила, что это – горнолыжные курорты. Нет, ни на лыжах, ни на коньках наша писательница толком кататься не умела, поэтому зимние курорты

отпадали в полуфинале. «В Чехию бы я поехала, – мечтательно подумала Алена, читая другие листовки. – Или в Австрию. Или во Францию... Стоп, во Францию я и так еду! Поэтому какая может быть Турция? И зима, и одни брюнеты...»

– Извините, – послышался в это время мужской голос за спиной, и Алену, чуть улыбнувшись ей, обошел высокий блондин в замшевой меховой куртке и скрылся за дверью «Travel везде».

Алена выпустила из рук капюшон, и тот, конечно, немедленно свалился, а ветер ледяной лапой взъерошил ее примятые кудряшки. Но она не сразу спохватилась и вернула капюшон на место, потому что некоторое время ошарашенно смотрела вслед блондину. Черт... если бы в Турции жили *такие* мужчины, Алена Дмитриева практически не уезжала бы оттуда, может быть, даже вообще не уезжала. Нет, все-таки иногда – и только в Париж, а потом возвращалась бы обратно. Не то чтобы этот мужчина был таким уж феерическим красавцем, но... каким-то... волнующим.

Алена, большая ценительница волнующих мужчин, вздохнула и, чтобы отвлечься (какой смысл волноваться, если завтра ты едешь в Париж?!), принялась вновь разглядывать листовки. Так, зовут-зывают в Тунис и даже в Китай, а также в Индию... О господи, а это что такое? Среди множества желтых, зеленых, белых и даже сиреневых листовок вдруг мелькнула одна, на которой было написано: «Билет в X век».

Ничего себе, усмехнулась Алена. Десятый век! Путевки туда продают?! И каким же образом желающие в десятый век попадают? Наверное, в «Travel везде» припрятана машина времени? А может, даже не припрятана, может, она стоит прямо посреди комнаты и любой-каждый может туда войти и...

А почему именно в X век организованы путешествия? Почему, скажем, не в XVIII? Кажется, именно в XVIII веке в России начали отмечать Новый год 1 января и вообще его наступление праздновать. Хотя нет, это было еще в XVII. 20 декабря лета 7208 от сотворения мира Петр Первый издал именной указ на эту тему, заодно приведя в порядок летоисчисление и принудив русских вести счет годам от Рождества Христова, но допустил в том указе ошибку, которую его потомки ощущают раз в столетие. Он написал: «Ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а с следующего января с 1-го наступит новый 1700 год. Год купный и новый столетний век». Вот благодаря кому мы отмечаем наступление XXI века дважды: в 2000 году и в 2001-м!

Собственно, Алена ничего против этого не имела.

И все же, почему именно в X век?.. Не потому ли, что в те довольно древние времена Русь еще не вся была охвачена христианством? Кое-где Новый год отмечали в марте (это лишь в 1492 году Иоанн III утвердил своим указом наступление нового года 1 сентября, что и продолжалось до Петрова нововведения), а кое-где еще по языческому календарю – в последние дни декабря, когда медведь в берлоге на другой бок поворачивался, морозы крепчали, а солнце начинало идти само и вести всю природу от зимы к лету. Это был праздник Коляды, божича Сварожича, сына, стало быть, верховного бога Сварога. А потом уже православные священники окрестили его днем святого Спиридона, в народном же календаре при нем осталось прозвище солнцеворота или даже солноворота.

Забавно, наверное, побывать на праздновании этого дня в Древней Руси. А может, и не столь забавно, в конце концов, ну что там за жизнь была, никаких благ цивилизации, да и шампанского еще знать не знали, и вроде бы даже елок не наряжали, это ведь в 1700 году в России впервые украсили свои дома на Новый год ветками сосны, можжевельника и ели. В петровском указе писалось: «Поелику в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с 1 января. В знак того доброго начинания и нового столетнего века в царствующем граде Москве в ночь на 1 января 1700 года на Красной и других площадях, на улицах и во дворах знатных бояр учинить огне-

вые потехи, дать трехкратный салют из больших пушек и ружей, выпустить несколько ракет... Должны быть зажжены огни либо из дров, либо из соломы, а также из хвороста в худых бочках, прибитых к столбам. А на воротах учинить некоторые украшения из древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных... Детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям не учинять пьянства и мордобоя – на то других дней хватает».

Как же праздновали Новый год в X веке? Может, у Рыбакова что-нибудь есть, у академика, в его «Язычестве древних славян» или в его же «Язычестве Древней Руси»? Или в Интернете пошарить? Можно, конечно, рискнуть и зайти в «Travel везде», спросить, как бы это в X век попасть. Но, конечно, окажется, что это всего лишь рекламный трюк, дешевка, розыгрыш. Нет, лучше ничего такого не знать, лучше пребывать в заблуждении, что в одной из фирм Нижнего Горького стоит машина времени и можно в любой момент...

– Здравствуйте! – послышался рядом оживленный женский голос. – Ну что, съездили вы тогда в Мармарис?

Алена повернулась и уставилась на высокую девушку со стильным, чуточку лошадиным лицом, в стильном меховом пальто, к счастью, не лошадином, а норковом. «Где-то я ее видела... А при чем тут Мармарис? Что это вообще такое?!»

– Вы меня не узнали? Меня зовут Алла. А я вас знаю. Вы Алена Дмитриева, писательница. Я вас сначала по телевизору видела, а потом вдруг бах! – вы пришли к нам в агентство «Тур-экстра» брать путевку в Турцию.

О-ё-о... Алена виновато пригнула голову и оглянулась: не идет ли трамвай? Он сейчас был бы как нельзя кстати!

Не шел, такой-сякой!

– Правда, вы у другого менеджера обслуживались, – тараторила Алла, – но я вас все равно узнала. Конечно, я бы вас к себе перетаскала обязательно, но я тогда последний день в «Тур-экстра» работала, не стала вмешиваться, но вообще Мармарис – это ведь... – Она пренебрежительно пожала плечами. – Вы, помню, проспекты взяли и обещали прийти на другой день. Ну что, приходили?

Алена умела ловить информацию на лету.

– Да нет, знаете, не приходила, – пренебрежительно сказала она. – В самом деле, ну Мармарис – это ведь...

– Конечно! – горячо воскликнула Алла. – Ведь там отели расположены в районе самого города, поэтому почти все пляжи платные. Песчаных почти нет, в некоторых отелях вход в море только с платформы... Ну какой отдых, какое купание?! И вообще, Мармарис для тех хорош, кто ночью развлекаться любит. А я вот, к примеру, жаворонок, меня в полдвенадцатого ночи просто нет на свете, нужно спать – и пусть весь мир подождет!

– Знаете, – с легким сердцем призналась Алена, – скажу вам как жаворонок жаворонку – я совершенно такая же!

– Ну вот видите! – воскликнула Алла с восторженным выражением. – Вы ничего не потеряли. Вот если бы вы не поехали на Коста-Рику, я бы сказала, что вы упустили главное впечатление своей жизни. Я там была. Это... это... супер!!!

Она произнесла слово «супер» именно так, с тремя восклицательными знаками.

Алена растерянно хлопнула глазами. Коста-Рика? Это где? Вроде бы Латинская Америка...

В Латинской Америке Алену Дмитриеву интересовала только одна страна – Аргентина, где родился лучший в мире, любимый Аленин танец – аргентинское танго.

Конечно, недурно бы съездить в Байрес (так все продвинутые тангерос называют столицу Аргентины) и потанцевать там. Но, с другой стороны, в Париже его тоже танцуют, всегда можно сбегать на милонгу, то есть вечеринку, где танцуют только аргентинское танго, и душу отвести. А в Коста-Рику ей зачем?! Да и дороговизна, конечно, невыносимая, ей не по карману...

– Вы думаете, это дорого? – запальчиво воскликнула Алла. – Вот и нет. У нас сейчас есть несколько горящих путевок. Коста-Рика знаете чем хороша? Это отдых в чистом виде. Конечно, там нет памятников искусства, но зато нет и заводов и фабрик. Зато обустроено несколько очень хороших отелей, а пляжи и джунгли сохранены почти в первозданном виде. Туристы, предпочитающие эко-туризм, непременно обратят внимание на Коста-Рику! Я сама там была с друзьями, – закончила Алла свою рекламную мелодекламацию, а потом открыла свою чрезвычайно стильную сумку из крокодиловой кожи – а как же! – и вынула оранжевый пакет с тем, что Алена давным-давно не видела, – с фотографиями. Нет, ну в самом деле! Теперь же все рассматривают фотки на дисплеях капэкашников или мобильных, а для увеличения переводят их на домашние компьютеры, где дисплеи куда больше. Честно, последние года два или даже три Алена имела дело с фотографиями только для французских виз. А это... это были именно такие снимки, которые ей хотелось увидеть в туристических агентствах, которые могли и Илью Ильича Обломова заставить покинуть свой диван и отправиться в заморское путешествие. Сколько в них было красоты и жизни, живой, счастливой, беззаботной!

– Это мы в заповедниках Сьерра-дель-Росарио и Гуанаакаибес, – тыкала ноготком в фотографии Алла. – А это пляж в Кауита. Видите, черный песок? Нигде в мире больше такого нет! А это площадь Пласа-де-ла-Культура. Около нее под землей находится Музей золота доколумбовой эпохи, Мюзео-де-Оро-Преколомбино, – щегольнула она очень бойким испанским. – А это – любимое место серфингистов – риф Ла-Сальса-Пуэрто-Вьехо-Брава. Представляете, провести Рождество в таком райском месте? Встретить Новый год на черном пляже при температуре плюс двадцать шесть?

Алена кивнула и внимательней всмотрелась в группу атлетически сложенных мужчин, запечатленных на снимке в «таком райском месте». Честное слово, одним из этих серфингистов был тот самый невероятный блондин в замшевой куртке, которого она видела несколько минут назад!

А впрочем, что тут невероятного?

– Теперь я понимаю, – сказала Алена с завистливой усмешкой, – зачем этот красивый молодой человек сейчас пошел в ваш офис. Наверное, снова захотел отправиться на риф... этот, как его... Браво.

– Ла-Сальса-Пуэрто-Вьехо-Брава, – уточнила Алла. – А какого красивого молодого человека вы имеете в виду?

– Вот этого! – Теперь настал черед Алены тыкать ноготком в фотографию. – Вот этого потрясающего парня.

– Вы... – запнулась Алла, – вы его видели?!

– Ну да, только что.

– Где?!

– Да вот здесь, – Алена для наглядности потопала ножкой, – вот на этом самом месте, он вот в эту дверь входил. – И она для той же наглядности потыкала пальчиком в дверь «Travel везде».

Лицо Аллы стало какого-то нездорово-сиреневатого оттенка.

– Да нет, этого совершенно не может быть, – произнесла она сдавленным голосом.

– Почему?! – изумилась Алена.

– Потому что... – уголки рта у Аллы плаксиво опустились, – потому что этот парень, его Максим зовут, пропал без вести. Месяц назад бесследно исчез. Он и правда снова собирался в Коста-Рику поехать, но... пропал бесследно. Ушел из дому на работу – причем и впрямь собрался к нам в агентство заглянуть – и не вернулся.

– Господи, какие у вас ужасные шутки! – даже растерялась Алена. – Да я его только что видела! У меня, между прочим, отличная зрительная память.

Ну да, было у нее такое свойство... правда, распространялось оно только на интересных мужчин, но в эти детали своей психики наша героиня вдаваться не стала.

– И вообще, – добавила Алена, – может быть, у этого вашего знакомого была какая-то ситуация... может, он пропадал по доброй воле, поссорился с девушкой, ну, я не знаю... видеть ее больше не хотел, вот и исчез.

Глаза Аллы повлажнели, и Алена вдруг с ужасом поняла, что, кажется, спорола жуткую бестактность. А вдруг Алла была девушкой этого Максима? И ей больно слышать, что он предпочел без вести пропасть, только бы с ней не видеться...

А впрочем, чего напрягаться по этому поводу? Даже если пропадал, теперь вернулся. И ждет ее. Вот такой рождественско-новогодний подарок!

– Да вы не сомневайтесь, – добродушно усмехнулась она. – Пройдите в свой офис – и сами увидите, что этот молодой человек там. Вы боитесь, что ли, я не понимаю? Хотите, я с вами пойду? Ну и заодно осмотрю эти проспекты ваши... про Коста-Рику. Вдруг и в самом деле...

Алла явно была растеряна, у Алены даже мелькнула мысль, что девушке вовсе не нужны свидетели ее встречи с Максимом, однако упоминание о Коста-Рике решило дело.

– Ну да, новогодние и рождественские каникулы в странах Карибского бассейна – это то, о чем вы мечтали, – пробормотала она менеджерским голосом и потянула на себя тяжелую дверь.

Алена вслед за Аллой оказалась в узком, недавно отремонтированном (еще пахло краской) подъезде, на первом этаже которого было пусто, никаких дверей, только тесненькая площадка. На втором этаже лестница обрывалась, но здесь имели место быть три двери: одна с табличкой «Travel везде», другая – с двумя саκραментальными фигурками, ну а третья была снабжена вывеской «Билет в X век».

Ах, вот оно что! Значит, это фирма какая-то так называется! А Алена-то подумала, что турагентство путевки в X век предлагает!

И все же... билет в десятый век... как-то странно, воля ваша!

– Ну и название! – усмехнулась Алена, кивнув на загадочную дверь. – А там что?

– По-моему, ничего, – пожала плечами Алла. – Там всегда закрыто. Видите?

Она подергала дверь с табличкой «Билет в X век» – и в самом деле, дверь не поддавалась.

Алла достала ключ и отперла дверь агентства.

– У нас рабочий день с десяти, я всегда пораньше прихожу, чтобы нормально поработать, без суеты, без шума, – пояснила она.

Алена, которая, повторимся, была жаворонком, а потому свято верила в заповедь: «Кто рано встает, тому Бог подает», понимающе кивнула.

Вошли в офис – это была довольно просторная комната, уставленная стеллажами и столами с компьютерами и оклеенная невыразительными бледно-зелеными обоями в клеточку. К одной стене был почему-то прислонен лист фанеры, который несколько искажал традиционный офисный пейзаж. В нем, разумеется, имели место быть подвесные потолки, которые Алена ненавидела. Около двери громоздился довольно большой шкаф, в который Алла повесила свою замечательную шубку. Аллене она почему-то не предложила раздеться, да, впрочем, та даже и обрадовалась, потому что чувствовала себя очень глупо. Никакого Максима в офисе не было! То есть там, как уже говорилось, не было ни одного человека вообще.

– Вот видите? – печально сказала Алла. – Никого. Вам показалось.

– Ну... – неопределенно протянула Алена, а больше ничего не сказала.

– Да ничего страшного, – улыбнулась Алла, – с кем не бывает. Вот проспекты туров в Коста-Рику. Возьмете, чтобы на досуге посмотреть?

Алена взглянула на пачку сверкающих разноцветьем листков и ощутила приступ привычного конъюнктивита.

– Э-э... да, – выпалила она с готовностью, – конечно, само собой, только я сначала... в туалет, извините, можно? Срочно... Пардон. Конечно, но я вчера что-то съела... такое...

Само собой, она ничего *такого* не ела, вчера вообще был понедельник, день тренировок и голодовок, но Алена Дмитриева за враньем никогда в карман не лезла, как истинная сочинительница-беллетристка!

– Да, конечно, – с рекламной улыбкой сказала Алла, – только вот ключик возьмите. – Она подала связку из четырех ключей, из которых выделила один – типа гаражного, знаете, длинный такой, острый и с грубой резьбой. – У нас туалет запирается, а то с улицы ходят и ходят, ходят и ходят.

Алена коварно усмехнулась в глубине души. Она знала офисные правила – запирать *собственные* туалеты. На это и был расчет!

– Я быстро, – пробормотала она с самой сконфуженной из улыбок, какую только удалось изобразить. – Быстренько. Минутку буквально.

И, бросив сумку в какое-то кресло, выскочила за дверь в надежде, что Алла не станет засекают время.

Алена как можно громче скрежетала ключом в замке, но в туалет только заглянула – убедиться, что в крошечном чистеньком помещении из двух клетушек (в одной раковина и кран для мытья рук, над ними зеркало, под ними шкафчик, в другой клетушке – гламурный черный унитаз) никого нет, а потом снова прокралась на площадку и задумчиво уставилась на дверь с табличкой «Билет в Х век».

Слов нет, Алена готова была признать, что обозналась, приняла за пропавшего Максима другого красивого блондина. Но ведь совершенно точно какой-то блондин вошел в дверь подъезда! Вошел – и не вышел. Он мог скрыться только за одной из трех дверей. В офисе «Travel везде» его нет, в туалете – тоже. Не просочился же он в канализацию, как в романе Стругацких «Понедельник начинается в субботу», любимейшей книжке ее юности! А может быть, за этой таинственной дверью и впрямь находится машина времени, которая отправляет людей прямоком в Х век, и красивый молодой человек уже развлекается там на торжествах в честь юного Коляды Сварожича?!

Сначала Алена перевернула связку, полученную от Аллы, чтобы подобрать ключ к двери, очень может быть, ведущей прямоком в Х век, но немедленно поняла, что пустое это дело. И не только потому, что ни один ключ вообще не входил в затейливую скважину. В эту дверь явно давно никто уже не заходил, к ней даже какой-то строительный мусор был подметен неряшливой уборщицей. К тому же Алена только сейчас обратила внимание, что дверь была опечатана: через створку приклеена бумажкой с печатью. Хм, загадочно... Зачем ее опечатали? Фирма больше не работает?

Так или иначе, блондин, Максим или кто-то другой, даже если все же отправился в Х век, то не через эту дверь, точно!

Но где он?!

В полной растерянности Алена снова вошла в туалет, открыла дверцы шкафчика под раковиной и заглянула туда. Что характерно, блондина не обнаружилось и там. Зато в шкафчике в изобилии имелись ведра, щетки, вантуз, тряпки, баночки с моющими средствами. Лежал также рулон обоев – тех самых, из офиса Аллы, бледно-зеленых в клеточку, – и стояла стеклянная банка с какой-то белой студенистой массой, очень может быть, клеем для обоев, заготовленным впрок, да не пригодившимся. Из пластиковой банки с «Кометом» рассыпался зеленый вонючий порошок, но никаких следов на нем не обнаружилось, ни блондинистых, ни брюнетистых. В туалете через канализацию явно никто не просачивался!

Алена прислонилась к стене и растянула шубку. В самом деле, ей стало жарко. Ведь получалось что? Что некуда, ну просто физически некуда этому блондину, Максиму или не Максиму, было деться, кроме как войти в «Travel везде». Но Алла открыла дверь своим клю-

чом... Значит, у блондина тоже был ключ. Бог ты мой, да куда он делся там, в офисе, где все на виду?!

Стоп... а если он прятался в шкафу? В одежном шкафу около двери? И когда Алена ушла, выбрался оттуда и напал на Аллу?!

Алена распахнула дверь, и первое, что увидела, – это спину Аллы. Девушка сидела за своим столиком и была совершенно поглощена телефонным разговором. Был включен компьютер, и Алла с невероятной скоростью открывала и закрывала сайты разных туркомпаний. Насколько поняла Алена, звонивший интересовался наличием и стоимостью путевок, куда – она не стала вслушиваться.

Алена снова окинула офис взглядом. Спрятаться здесь негде, точно. Вот разве что в шкаф у двери. Слева от него стоит узенькое кресло (на нем валяется Аленина сумка) и журнальный столик, заваленный опять же проспектами: наверное, для тех, кому придется ждать, пока тот или иной менеджер освободится. Ну что ж, наверное, при известном напряжении воображения все-таки можно представить, что и в этом ныне пустующем офисе бывает ужасная запарка, очередь и цейтнот.

Алена покосилась на спину Аллы и тихонько потянула на себя дверцу шкафа. Сейчас ка-ак заскрипит!

Нет, очевидно, дверка была хорошо смазана и открылась бесшумно. На плечиках висела стильная шубка Аллы, внизу стояли ее сапожки. Она уже успела переобуться. Все это смотрелось весьма сиротливо, потому что шкаф оказался просторный и пустой. А это что? Этикетка... Алена цапнула ее, воровато оглянувшись на Аллу (ничего не замечает), прочитала: «Носки мужские. Изготовлено с применением нанотехнологий. Гарантировано отсутствие потливости, неприятных запахов, а значит, гарантирована уверенность в себе! Наши носки сделают вас неотразимым!» – и с трудом подавила ехидное хихиканье. Боже, ну на что только не идут эти рекламщики-пиарщики! Алена машинально сунула бумажку в карман (все же она была Дева по знаку Зодиака, а значит, беспорядок терпеть не могла) и снова всмотрелась в глубины шкафа. Его заднюю стенку прикрывала какая-то убогонькая шторка. Алена протянула руку, чтобы ее сдвинуть, но не дотянулась. Тогда, воровато оглянувшись на Аллу, вошла внутрь, вспомнив свою очередную любимую книжку, превратившуюся потом в любимый фильм под названием «Лев, Колдунья и Платяной шкаф».

Ага, никакая это не шторка. Задней стенки у шкафа вообще не обнаружилось, он был придвинут к стене, прямо к обоям. Обои были смешные, с выцветшими цветами, напоминающими капусту. Их-то Алена и приняла за шторку.

И вдруг...

Алену вдруг сильно встряхнуло, голова мигом стала тяжелой. Алена потеряла равновесие, упала на стенку... та поддалась под ее весом, и вообще, оказалась не твердой и крепкой, а мягкой, колючей, пахнувшей сеном... что за ерунда такая?!

И это было ее последней мыслью.

Солнышко, улыбнись! Ясное, покажись!
А мароссы-трескуны все подите прочь, прочь!
С Карачуном уходите вы в глухую ночь!
Приходи, Колядо, ой, ладо, приноси нам ладу с Ладой!
Батюшка-медведюшка повернулся с боку на бок,
День-денек прибавился – да на воробыный скок.
А с медведем солнце повернулось к лету,
Потянулся к лету солнечный денек!

Песня раздавалась где-то совсем рядом. Алена открыла глаза и некоторое время непонимающе смотрела на бревенчатую стену. В пазах торчала пакля. Бревна были тщательно отесаны, кое-где в трещинках проступила смолка, собравшаяся тугими капельками. Пахло очень приятно: сеном, этой древесной смолкой, замороженным деревом, еще чем-то знакомым, только не понять чем.

Алена огляделась по сторонам и обнаружила себя сидящей на полу какого-то просторного сарая. Вместо пола здесь была утоптанная земля, усыпанная сухим сеном. Пение раздавалось где-то над головой. Ага, понятно, вон из того узенького окошечка, прорубленного в стене.

Алена кое-как поднялась и придвинулась к нему. Да так и замерла, изумленная!

Сверкало солнце, сверкал снег. Перед глазами открылся просторный вид на замерзшую реку. В очертаниях противоположного берега было что-то очень знакомое, где-то она уже видела слияние двух больших рек, стрелкой уходящее в единое общее русло... Но вспомнить не могла. На заснеженном высоченном берегу носились туда-сюда люди, одетые как-то очень странно: все в белом, и мужчины, и женщины, а поверх длинных одежд – белые шубы мехом наружу. Впрочем, одежды были не совсем белые, а как бы сероватые или желтоватые. Такого цвета бывает только что вытканное, но еще не выбеленное полотно. «Кажется, этот цвет называют суровым или диким», – вспомнила Алена, которая была барышней очень начитанной, в том смысле, что голова ее была набита обрывками самых разнообразных, может, и интересных, но в повседневной жизни абсолютно непригодных сведений. Очень странными были и головные уборы у людей. То есть молодые были все простоволосы, но и парни, и девушки (к слову, у всех девушек по спинам змеились редкостной красоты косы!) носили на головах венки из сухих цветов и сухой травы. Женщины постарше украсили себя красными, желтыми, синими, не побоимся этого слова, кичками.

«Может, народное гулянье... карнавал? – озадачилась Алена. – А вот и еще ряженые».

В самом деле – новая веселая толпа примчалась на берег. Это были парни, они тащили огромное колесо с семью спицами, в разные цвета окрашенными, а в центре колеса горел огромный пук соломы. У всех на плечах были козы, коровьи, конские шкуры, на головах – головы этих животных. В середине плясал высокий парень в медвежьей шкуре, вместо лица – личина медвежьи, да какая страшная! А вот и девушки прибежали, они принесли, передавая с рук на руки и нянча, соломенную куклу в разноцветных лоскутках и лентах. Весь снег был усыпан лепестками сухих цветов – неужели нарочно для этого дня сберегли их с лета?

– А как же, – послышался рядом с Аленой надтреснутый голос. – Небось зимой цветы не растут.

Неужели она не подумала о цветах, а нечаянно сказала это вслух?

Алена оглянулась – и растерянно моргнула, не обнаружив никого на уровне своих глаз. Посмотрела ниже – и увидела маленького – ей чуть выше пояса! – человечка в каких-то широченных штанах (их так и хотелось назвать портками) и такой же рубахе распояскою. У человечка была большая голова, вся в седых, распатланных космах, и косматая же борода. Несмотря на свой, мягко говоря, бомжеватый вид, он казался очень симпатичным. Было в нем что-то такое... уютное, до невозможности привлекательное, и Алена ну просто не могла не улыбнуться в ответ на его щербатую улыбку.

– Здравсте, – растерянно пробормотала она. – А это что такое тут творится? Праздник, что ли? Карнавал?

– Праздник, а то! – согласился старичок. – Коли медведюшка в берлоге с боку на бок повернулся, солнце пошло на лето, а зима на мороз. Злой ледяной Карачун теперь начнет злобствовать – чует, что скоро Лада светлая придет, весну приведет. Мароссы-трескуны, прислужники его, станут по улицам бегать, в окошки стучать, в кулаки дуть, стужу надувать. А все без толку! Коляда родился. Весна грядет!

«Понятно, – кивнула сама себе Алена. – Фольклорный праздник... Но как я на него попала?! Я вроде бы в шкаф полезла... там, в «Travel везде»... А теперь я где? Где?! Что это за сарай? И вообще... И этот... дедуля... он кто?! Кто?!»

Вообще-то ответ уже мельтешил в ее взбаламученной голове, но поверить в такое было невозможно.

Не-воз-мож-но!

– Родимый, Сивушко, – проговорил в это время «дедуля», и Алена поразились тому, как ласково звучал его надтреснутый голос. – Поди, поди, погляди, как честной люд веселится, Коляду призывает, Карачуна пугает.

Только сейчас Алена сообразила: то помещение, которое она называла сараем, было, пожалуй, конюшней. Все кругом было завалено сеном и пучками соломы, стояли кадки с зерном, за деревянными перегородками дышали, хрустели соломой кони. Пахло еще и навозом (теперь Алена узнала этот запах), и здоровым животным духом.

Тем временем старичок подвел к окну серого коня. Шкура его была вычищена, грива заплетена в косички, а спина заботливо прикрыта толстой попоной.

– Старый он, – сказал «дедуля», – старый Сивушка, а все же в холе. Знают же, что дедушка-соседушка его любит, вот и хозяева о нем пекутся. А как же, всякому охота с дворовушкой в мире жить, дружбу с ним водить!

Он умильно сморщился и смахнул слезинку.

Алена как устала на его ладошку, так не могла глаз отвести. Ладошка была *мохнатая*! И весь он, она только сейчас это разглядела, словно бы пухом порос...

«Дедушка-соседушка... дворовушка... Дворовой?! Тот самый, из славянской мифологии?!»

От такого открытия немудрено было испугаться (все же не каждый, ну не каждый, согласитесь, день выпадает нам встретиться с нечистой силою!), и Алена только собралась это сделать, как вдруг старик схватил ее за руку и прошептал:

– Тише, ой, тишенько! Слышишь? Идет кто-то. Небось девки – гадать, дворового вопрошать, богат ли будет жених, дороден ли, ласков ли. А что? Самое милое дело – дворовушку спросить! Аккурат в эти дни самые верные гаданья. Дуры-девки по ночам любят гадать... Но по ночам лучше из дому не ходить. Ведь об эту пору в метельных вихрях злые духи пляшут, а с ними ведьмы да колдуны. Иных и уплясывают до смерти. Был у нас один тут... первый парень на деревне! И где он? Связался со слугами Чернобога, да и заигрался в их черные игрища. Исчез! Нет его! Небось Карачун его хватил. Не одна красавица по нем слезы точит, ждет, а его, Первача, нет как нет...

– Первача? – удивилась Алена.

Мудрено не удивиться. Что за имя такое? Вроде бы первачом самогонка называется.

– Первача, – повторил дворовой. – Чему дивишься? Значит, сынок первым у тятки с мамкой родился. Второй – ну, он будет Второй, Вторуш либо Друган, другой, стало быть. Третий – Третьяк... – Он насторожился: – Охти мне, да ведь то не девки... ряженные парни. А им-то зачем сюда? Не задумали ли чего недоброго? Ох, чует мое сердце... А ну, голуба, прячься, да поскорей!

И он с неожиданной силой потащил Алену за собой, втолкнул в свободный денник, откуда недавно вывел Сивушку, и бесцеремонно запихал в наваленное горой сено. Пришлось присесть на корточки. Впрочем, своей мохнатенькой ладошкой дворовушка тут же проворно разгреб сено на уровне Алениных глаз, так что она отчетливо увидела, как в конюшню вошли двое: рыжий парень с простодушным веснушчатом лицом в длинной меховой безрукавке, а с ним другой – в волчьей шкуре и в волчьей маске.

– Ну что, Конопуха, не ждал, что я объявлюсь? – ухмыльнулся последний из-под маски. Голос его звучал глухо, но Алена ощутила, как вздрогнуло рядом с ней тщедушное тельце дворовушки. – Да... вы все меня небось похоронили, а я вот он.

– Где ж ты был, Первач? – без особого восторга в голосе поинтересовался Конопуха, которому необычайно шло это не то имя, не то прозвище. – Где шлялся?

– Где был, там меня уж нету! – лихо заявил Первач, и Алена сообразила, что перед ней тот самый парень, которого все, и в том числе дворовушка, считали пропавшим.

Что-то ей эта ситуация до боли напоминала...

– Баяли, тебя ведьмы закружили в своем хороводе да на Лысую гору повлекли, – растерянно сообщил Конопуха.

– Да я и сам кого хочешь увлеку, – продолжал веселиться Первач. – А Лысая гора... что ж, хорошее место!

– Тьфу, тьфу, тьфу! – заплевался Первач и через левое, и через правое плечо.

– Да будет тебе, нецый!¹ – хохотнул Первач. – Знаешь, сколько я там набрал чудодейной травы, которая мужскую силу умножает? Эх, деньжат огребу – сколько захочу.

– Ну, Дажьбог тебе в помощь, – натянуто проговорил Конопуха. – Только я пойду, пожалуйста, а то там девки небось меня обыскались.

– Да брось, – пренебрежительно протянул Первач. – Кому ты шибко нужен? Вот по мне девки слезы льют, знаю, да что мне они и их слезы? Золото, золото – вот все, чего я хочу. Слышь, Конопуха... Гони монеты, кои задолжал. Гони, сказано!

– Ка... кие монеты? – нерешительно пробормотал Конопуха.

– Да ты чего какаешь-то? – Голос Первача сделался строже. – Какие, ишь! Будто не знаешь! Деньги тебе Путята отдал? За те портки, в кои я траву зачарованную вплел? Знаю, что пока он те портки носит – невстанихи не ведает. У него молодая жена, печурка у ней так и пышет с утра до ночи, Путята и так к ней прикладывался, и этак – да все никак! А теперь, как портки эти заимел, – о-го-го, канителит молодуху почем зря, только кровать, слышь ты, скрип да поскрип.

– Да, да, – угодливо забормотал Конопуха. – Слышал про это, как не слышать. И как ты только уговорил Путяту раскошелиться? Он же скупердый, каких мало! И в травознайство не верит, даже к знахаркам-зелейницам отродясь не ходил.

– Да я ему сказал, что в ткань вплетен волос из бороды Велеса, бога скотьего, – давясь смехом, сообщил Первач. – И кто те портки носит, тот станет похотлив, что твой козел! Сам знаешь, Велес славится похотливостью, как всякая скотина. Да он и есть скотина!

Дворовушка рядом с Аленой завозился и зашипел возмущенно:

– Грех, ой грех великий бога Велеса скотиной называть!

И тут же испуганно прихлопнул ладошкой рот, потому что Первач насторожился.

– Что ты? – начал озираться Конопуха.

– Да ничего, почудилось, видать, – махнул рукой Первач. – Ну, где мои деньги?! – И он грозно надвинулся на Конопуху.

– Отдам, отдам, отцом небесным Сварогом клянусь, – заторопился тот. – И даже больше отдам, чем ты думаешь, потому что у меня еще один страдалец такие же портки просит.

– А это кто? – озабоченно спросил Первач. – Надо ли с ним связываться? Может, неимущий какой?

– Что ты! – ухмыльнулся Конопуха. – Неимущий! Все б такие неимущие были – небось жили бы мы на земле, аки в саду Ирии! Это Бородан. Понимаешь теперь, что дело верное?

¹ Суевер (старин.).

– Ну, коли Бородан... – протянул Первач. – За-ради Бородановых деньжат поверю тебе. Дам еще одни портки чудодейные на продажу. Погоди, сейчас принесу. Они у меня здесь захованы, в тайнике.

И он напрямик направился к той горе сена, в которой прятались Алена и дворовушка. Понимая, что сейчас будут обнаружены, они в панике принялись отползать подальше, к стене конюшни, надеясь, что Первач отыщет свой тайник раньше, чем их, однако вот уже она, стена, а голос Первача все приближался.

– Все думают, что это просто стенка, – хвастливо балаболит он, – а там есть одно хитрое бревнышко. Сдвинешь его – и...

Волчья морда оказалась прямо перед Алениным лицом, а под ней блеснули изумленные глаза.

– А это еще кто?! А ну, выходи!

Одной ручищей Первач сгреб за грудки дворовушку, вторая тянулась к Алене. Она совсем вжалась в стену спиной. И вдруг та под ее тяжестью поддалась, и Алена словно бы провалилась куда-то... Запах сена исчез из ее ноздрей, сменился чем-то острым, отвратительным, эта гадость лезла со всех сторон, Алена пыталась задержать дыхание, но не смогла. Она со всхлипом втянула воздух и зажмурилась что было сил...

* * *

– Ну-ну, откройте глаза, – властно проговорил кто-то рядом, и Алена, которая в принципе была человеком довольно-таки покладистым, немедленно исполнила это указание в форме приказания.

Над ней склонялось какое-то зеленоватое облако... в конце концов Алене удалось понять, что это женщина в зеленоватой медицинской форме. В руке она сжимала ватку с чем-то невероятно вонючим. Алене только раз в жизни довелось обонять нашатырный спирт, однако впечатление оказалось таким сильным, что она немедленно узнала эту гадость и отстранилась.

– Ага! – радостно сказала зеленая женщина. – Вам уже лучше.

– Да, да, пациент скорее жив, – поспешно сказала Алена, убирая от лица ее руку. – Все, все, больше не надо. Мне вполне хорошо, даже отлично.

– Не будете больше в обморок падать? – спросила зеленая врач, держа наготове жуткую ватку, как будто, не понравься ей Аленин ответ, немедленно прижала бы ее к носу несчастной писательницы Дмитриевой снова.

– А я что, в обморок падала? – изумилась та.

– Было дело, – сказала докторша, выпрямляясь.

– В самом деле! – закивала Алла истово. – Вы пошли вот сюда, в туалет, но долго не возвращались, я забеспокоилась, вышла, а вы тут лежите, на лестничной площадке.

Алена озадаченно уставилась на нее.

– Ну что, в больницу поедете? – спросила докторша. – Или мы вас покидаем, у нас срочный вызов поступил.

– В какую еще больницу? – испугалась Алена. – Никуда я не поеду, спасибо, можете нас покидать, всего наилучшего. Но как же вы говорите, Алла, что я вышла...

– Что тут случилось? – раздался в это время незнакомый голос, и человек лет тридцати в сером пальто взбежал на лестницу, отряхивая снег с непокрытой головы.

Алена его где-то видела, но не могла вспомнить где.

«Наверное, тоже какой-нибудь турменеджер», – решила она, но тут же подумала, что на турменеджера этот мужчина похож меньше всего. У него был образ молодого Штирлица... и Алена почему-то ничуть не удивилась, когда Алла при виде его откровенно перекосилась:

– А вам что здесь нужно, господин Савельев? Опять будете искать невесту что и невесту кого? Я вроде бы только «Скорую помощь» вызывала, а не милицию.

Вот те на... и правда Штирлиц! И улыбается так же... затаенно:

– Да ничего, не волнуйтесь, я шел мимо, смотрю – «Скорая» стоит. Думаю: не случилось ли что? Дай, думаю, зайду, может, и моя помощь пригодится. Кстати, если вы ничего не имеете против, у нас в органах принято обращение «товарищ».

Алла фыркнула, но промолчала.

– Так все же – что тут случилось? – повторил товарищ Савельев.

– Да ничего, ничего. Вот клиентка вышла в туалет да потеряла сознание, я вызвала «Скорую»... – снова начала Алла.

– Да нет, я вернулась оттуда, – сказала Алена, смущаясь слова «туалет», произнесенного в присутствии постороннего мужчины.

Она осторожно привстала и прислушалась к своим ощущениям. Ощущения были вполне нормальные, только голова самую чуточку кружилась да резало глаза от стойкого запаха нашатыря.

А сеном больше не пахло. И дворовушки рядом не было...

Привиделось ей все, значит. Обморочный, так сказать, бред. Ну что ж, очень симпатичным был этот бред!

– Я вернулась оттуда, зашла в комнату, вы с кем-то разговаривали по телефону. Я... – Алена смущенно улыбнулась, – я увидела, что дверца шкафа приоткрыта, ну и нечаянно заглянула туда. Я, знаете, такая любопытная... В том смысле, что мне ваша шубка очень понравилась, я хотела еще раз на нее посмотреть, – она улыбнулась еще более смущенно – главным образом оттого, что вранье выходило такое глупое. – А там вместо задней стенки висела такая занавеска...

– Какая занавеска?! – изумилась Алла. – Вы, видимо, бредите. Никаких занавесок у нас нет. Шкаф – да и шкаф, ничего такого.

– Ну да, я подумала, что это занавеска, а это были такие смешные обои...

– Какие еще обои?! – вытаращилась на нее Алла. – В шкафу – обои? Что им там делать? Обои у нас на стенах. Ну, извините, если с вами все в порядке, может быть, вы... – Она сделала выразительный жест по направлению к лестнице. – И вы, *товарищ* Савельев... А то мне работать надо.

Товарищ Савельев улыбнулся, показав роскошные зубы, но ничего не сказал.

– Конечно, конечно, – засуетилась Алена, – я только сумку возьму. Я ее в вашем офисе оставила.

– Я сейчас принесу, – быстро сказала Алла, приоткрывая дверь кабинета ровно настолько, чтобы ввинтиться туда своим весьма сублильным телом. Даме с гораздо более рельефной фигурой, такой, например, как у Алены, было туда уже не сунуться, так же, как и товарищу Савельеву, который обладал довольно плотным телосложением.

Алена озадаченно нахмурилась. Что это Алла так суетится?..

– Позвольте, я вам помогу, – галантно сказал Савельев и проворно схватился за дверную ручку. А потом распахнул дверь на всю ширину.

Дверь скрипнула. А может, это Алла досадливо скрипнула зубами?

Все трое вошли. Алла рысью устремила к креслу, на котором лежала Алена сумка, а наша героиня огляделась. И если она не разинула рот от удивления, то лишь потому, что разинутый рот – крайне неэстетичное зрелище.

Та-ак...

«Так-так-так, говорит пулеметчик, так-так-так, говорит пулемет», – как пели в одной песенке военных лет. И была та песенка про пулемет «максим»...

Очень интересно!

– Извините, – быстро сказала Алена. – Извините, вы мне еще раз ключик не дадите... от, ну, так сказать, частного помещения?

– Что? – сердито сузила глаза Алла.

– От туалета, – открытым текстом выдала Алена, потому что смущаться было совсем не время. – Ключик.

Алла фыркнула и протянула ей связку.

Алена выскочила на площадку и торопливо отомкнула дверь с двумя фигурками. Немедленно заглянула в шкафчик под раковиной, увидела то, что и надеялась увидеть... нет, правильнее будет сказать так: не увидела того, что и не надеялась увидеть, заглянула заодно в мусорную корзинку, сокрушенно покачала головой и вернулась в офис.

Товарищ Савельев, расстегнув пальто, рассматривал рекламные проспекты, а у Аллы был такой вид, будто она сейчас взорвется.

– Вот, – сказала она сдавленно, сунув Алене ее сумку, – вот, возьмите и... очень жаль с вами расставаться, дамы и товарищи, но мне надо работать!

Савельев покосился на Алену, а та покосилась на Аллу.

– Извините, – сказала Алена со всей возможной деликатностью, – Алла, нельзя ли мне с вами двумя словами перекинуться? Это... чисто женское. Может быть, выйдем?

– Пожалуйста, – проговорил Савельев с готовностью, как если бы Алена у него спрашивала разрешения. – Ничего страшного, выходите!

– Никуда я не пойду! – огрызнулась Алла. – Невесть кого в служебном кабинете оставлять? Нет уж!

– Невесть кого? – хмыкнул Савельев. – Сильно сказано... Сильно и смело! Вы что, подозреваете меня в криминальных наклонностях?

Алла растерянно хлопнула глазами.

– Или, может быть, вас смущают мои антикриминальные наклонности? – продолжал Савельев. Голос у него был мягкий, но какой-то такой... неостановимый. Наверное, если где-то прорывается труба, вода сначала сочится тонкой струйкой и только потом хлещет бурным потоком. Вот такой «тонкой струйкой» и звучал голос товарища Савельева.

Алла исподлобья уставилась на него.

Алена не знала, что делать. То есть она точно знала, что впуталась в самую что ни на есть криминальную историю, но ей было жаль Аллу. Не хотелось ее подводить, несмотря на то что именно она... Ну ладно, может, ее в самом деле бес попутал. Что же делать? Как с ней поговорить наедине? Здесь нельзя, этот Савельев из тех, которые все видят, слышат и замечают.

– И все же, Алла... – настойчиво начала она, но ее перебил Савельев:

– Как вы себя чувствуете? Чем вы так взволнованы?

– Я? – удивилась Алена. – Взволнована? Нет, что вы! Просто... голова немножко болит.

– Конечно! – сварливо буркнула Алла. – Осторожней надо на ногах держаться, вот что я вам скажу. В вашем возрасте на каблучищах?! Давно пора такие, знаете, боты носить... типа «прощай, молодость»!

Алена Дмитриева вполне могла бы сказать о себе словами Джулии Ламберт, героини одной из своих любимейших книжек, романа Моэма «Театр»: «Видит бог, я добрая женщина, но всему есть предел!»

Этот предел наступал, например, когда с ней говорили о ее возрасте. Нет, не в том смысле: «Боже мой, да вам больше тридцати не дашь!» А вот в таком... типа «прощай, молодость»...

Конечно, Алла окончательно потеряла над собой контроль. Но и Алена Дмитриева его тоже потеряла! И теперь ничто, никакая сила не могла ее остановить.

– Скажите, Алла, – спросила она, стараясь говорить совершенно спокойно, – а зачем вы передвинули шкаф?

Алла вспыхнула, потом побледнела... Но мгновенно овладела собой.

– Та-ак, – протянула она сочувственно, – все-таки надо было вам в больницу поехать, как и предлагали. Пожалуй, вы все же сильно ударились головой. Вот уже и глюки начались...

– Ну почему глюки? – доброжелательно вмешался Савельев. – Я тоже обратил внимание, что в прошлый раз шкаф стоял у самой двери, а теперь сдвинут. Кресло и столик были справа от него, а теперь – слева.

Алла затравленно переводила взгляд с одного на другую.

– А что? – наконец выговорила она. – Что, передвинуть шкаф – это уголовное преступление?

– Нет, само по себе, конечно, это не преступление, – успокоил ее Савельев. – Но...

– Но странно, – подхватила Алена, – что сначала меня в этом шкафу по голове ударили, а потом его передвигать понадобилось. Извините, а можно, я туда загляну?

– Кто вас по голове ударил? В каком шкафу? – взвилась Алла. – Вы что, совсем уж?!

Алена, впрочем, ее не слушала. Распахнула шкаф и усмехнулась. Она увидела именно то, что ожидала увидеть.

– Не понимаю, – раздался веселый голос Савельева за ее спиной, – почему вы говорили, что у шкафа нет задней стенки? Вот же она, на месте.

– Да я же говорю, она больная на всю голову! – запричитала Алла. – Стенка здесь всегда и была!

– Нет, не всегда, – упрямо сказала Алена. – Когда мы утром сюда пришли, вот тут стоял лист фанеры. Я еще тогда удивилась: что он здесь делает? А это была именно задняя стенка шкафа. Ее сняли, чтобы... Чтобы она не мешала. А потом... потом, когда я полезла в шкаф и увидела то, что не должна была видеть, меня стукнули по голове и отволокли на площадку, чтобы и впрямь создать видимость, что я свалилась именно там, а стенку поставили на место.

– Боже! – воскликнул Савельев, хмурясь. – Ничего себе... случайно, понимаете, зашел... а тут такое!

Случайно зашел? Алена посмотрела на него внимательней – и наконец-то узнала. Да ведь это тот самый парень в сером пальто, который безуспешно прятал голову от ветра в куций воротник, – там, на трамвайной остановке.

Ай да Штирлиц! Не зря мерз! Сейчас с помощью писательницы Дмитриевой он раскроет... ну, может, не преступление века, но кое-что все же раскроет!

– Да бредит она, бредит! – отчаянно вскричала Алла. – Ну сами посудите, *товарищ* Савельев, ну оттуда у меня, у слабой женщины, ну откуда в моих нежных ручках, – она для наглядности повертела так и этак свои худые руки с маленькими ладошками, и впрямь слабенюкие на вид, – столько силы, чтобы и шкафы двигать, и фанерки к шкафам прибивать, и...

– Фанерка, кстати, не прибита, – сказала Алена, протискиваясь между шкафом и креслом. – Просто прислонена. Чтобы видимость создать. Зачем ее каждый раз снимать и отрывать, когда вам понадобится через стену проходить в другое помещение?

– Через стену? – изумленно повторил Савельев.

– Через... стену?.. – пробормотала Алла. – Господи... кажется, надо психиатра вызывать! Писательница спятила!

– Вы правда писательница? – с интересом спросил Савельев.

– Да, – скромно кивнула Алена. – А психиатра не надо, – это уже адресовывалось Алле, – впрочем, если только для вас: у меня такое ощущение, что вы от моих разоблачений сейчас с ума сойдете.

– Дамы, дамы, – добродушно вмешался Савельев, – тихо, тихо. Давайте ближе к делу. Что там насчет проходов сквозь стену?

– Да все просто, – передернула плечами Алена. – Просто как ясный день.

Морозный ясный день... сверкает снег под солнцем... горит сноп соломы на разноцветном колесе...

– Этот шкаф прикрывал проход в другое помещение, видимо, в ту самую фирму, дверь которой тоже выходит на площадку. В фирму «Билет в X век»...

– Все! – заорала Алла. – Все! Товарищ Савельев, вы сами видите, она чокнутая! Она заговаривается! Какой десятый век?! То сквозь стену проходить собиралась, теперь машина времени появилась... Эта фирма называется «Билет в икс-век». Икс, понимаете? Знак неизвестности! Они занимались нанотехнологиями! Технологией неизведанного будущего! Надо же! Десятый век! А еще писательница! Никакого образного мышления.

– Ну и ничего страшного, – примирительно сказал Савельев, который, такое ощущение, обладал неистощимым запасом терпения. – Билет в десятый век – это же красиво! А букву икс и римскую цифру десять немудрено перепутать. Кстати, должен вам сказать, когда мы только начали расследовать дело с этими самыми технологиями, один наш сотрудник упорно называл эту фирму «Билет в ха век», и ничего страшного.

– Нанотехнологии! – засмеялась вдруг Алена. – Портки от невстанихи!

Теперь уже и Савельев смотрел на нее озабоченно...

– Ничего, ничего, – весело сказала Алена. – Все нормально. Образное выражение. У нас, у писателей, такие штуки сплошь и рядом проскакивают. Но вернемся к этим технологиям... прохода сквозь стену.

– Так... – безнадежно махнула рукой Алла. – Опять приступ начинается.

– Сейчас у вас приступ будет, гарантирую, – ласково улыбнулась Алена. – Я так понимаю, в этом самом «Икс-веке» торговали всякой нанохренью? Под видом новых технологий втюхивали доверчивым покупателям китайский, или турецкий, или отечественный промышленный отстой, чистый полиэстер или что-то в этом роде? Тут же главное – этикеточка, и все, и дело сделано.

– Китайский, – уточнил Савельев, поглядев на Алену с интересом. – А вы в курсе дела? Откуда знаете?

– Вот отсюда, – постучала Алена по голове, которая у нашей писательницы шестидесятого размера, между нами, девочками, хоть и покрытая легкомысленными кудряшками, была, а значит, в ней всему хватает места: и эрудиции, и догадливости, и сообразительности. – Меня осенило.

– Ага, ага! – закатилась злобным смехом Алла. – Когда она головой ударилась на площадке, ее осенило!

– Еще раз повторяю, – терпеливо проговорила Алена, – не на площадке, а в шкафу. И не я ударилась, а вы меня ударили. Вы, больше никого здесь не было. Ваш сообщник находился в это время в другом помещении, и вы любой ценой не должны были позволить мне его обнаружить. Довольно того, что я его на улице заметила, этого вашего Перва... то есть Максима!

– Максима Первачова? – насторожился Савельев. – Вы его тоже видели? А я решил, что мне показалось... И где он сейчас?

– Его фамилия Первачов? – Алена только головой покачала. Бывают же такие совпадения! Наносовпадения, не побоимся этого слова! – Думаю, он скрывается в помещении бывшей фирмы «Билет в деся...», то есть «Билет в икс-век». Если, конечно, не открыл дверь с той стороны, не сорвал печать и не сбежал.

Савельев одним прыжком оказался у двери и выглянул на площадку.

– Не тревожьтесь, – сказала Алена вслед. – Конечно, печати на месте. Максим совершенно уверен в своей неуловимости. В самом деле, они с Аллой сделали все, чтобы замести следы. Вы сказали, как, мол, вы могли своими слабыми ручками, в одиночку все это осуществить, – повернулась она к Алле. – Да вы не в одиночку вовсе, и не только своими ручками. Вам Максим помогал. Помогал меня из шкафа вытаскивать, помогал его потом передвинуть

и прислонить к нему заднюю стенку. А потом помогал вам наклеить на ту стенку, около которой шкаф раньше стоял, обои... Вот, – провела Алена по стене, – видите, клей еще не высох. Эти обои и клей стояли раньше в шкафчике под раковиной в туалетной комнате, а теперь там ничего нет. Банка в мусорной корзинке валяется... Что же вы так неосторожно? – мягко пожурившая она Аллу, лицо которой стало какого-то бледно-зеленого цвета, примерно в тон обоев, вот только клеточек на нем не имелось, а впрочем, может, это был только вопрос времени: еще один-два таких шокирующих откровения писательницы Дмитриевой, глядишь, и клеточки появятся... – Улики надо уничтожить более тщательно. Думаю, обрезки обоев при желании можно найти в вашем столе, в каком-нибудь дальнем углу, а вот грязную банку сунули в мусорную корзинку, неохота было с ней возиться или некогда мыть.

Алла только губами шевельнула – говорить она явно не могла.

– Я думаю – поправьте меня, если я ошибусь, – повернулась Алена к Савельеву, – что в этом самом «Икс-веке» с той стороны в этом самом месте, – она показала на стенку с полосой влажных обоев, – тоже стоял шкаф. И его задняя стенка тоже имела свойство сниматься... легким движением руки. Скажите, – обратилась она к Савельеву, – когда вы там работали, в той фирме, там ничего, случайно, не исчезло? Какая-нибудь финансовая документация, пароли, явки, деньги, ну, не знаю?..

– Исчезло, – хмуро кивнул он, – и очень многое. Нет, товар в основном мы конфисковали, но новые образцы, и все бухгалтерские документы, и деньги... По сути, мы зацепили гораздо меньше народу, чем намеревались. И даже этого Первачова, директора фирмы, пришлось отпустить. И даже подписку о невыезде сняли. Правда, за ним тихонько наблюдали, надеялись, может, он выведет на след своего тайника, но он потом уехал из города, и след его мы потеряли. И вот он вернулся...

– Полагаю, тайник был в этом шкафу, – сказала Алена. – Думаю также, не одна Алла сюда замешана, в доле наверняка и другие сотрудники «Travel везде». Иначе как удалось бы столько добра спрятать? Ну что ж, дела тут идут еле-еле, видите, ни одного клиента, вот и захотели подзаработать... А потом, когда дверь «Билета в X век» опечатали, все через шкафы-порталы... – Она хихикнула, впервые употребив этот расхожий в фантастике, но столь малоупотребимый в реальной жизни термин... а ведь его, очень может быть, вполне можно взять на вооружение! – Все через эти самые шкафы потом вновь сгрузили в помещение фирмы. Ну кому придет в голову проверять после проверки?

Алла бессильно упала в кресло. Само ее потрясенное молчание было лучшим подтверждением того, что все, даже самые смелые догадки писательницы Дмитриевой, оказалось точным. Ну что ж, на то она и писательница Дмитриева, детективщица. Со смелыми догадками у нее всегда все как надо!

Савельев уже звонил по своему мобильному телефону и вызывал группу поддержки. Без сомнения, преступная деятельность фирмы «Билет в X век» будет вот-вот окончательно пресечена, и всем наноноскам, наномайкам, нанотрусам, а также, очень может быть, и нанопорткам настанет конец. Придет полный песец, как выражаются в наше время. Карачун их хватит, как выразился бы один знакомый Алены Дмитриевой... такой мохнатенький, пахнущий сеном...

– А знаете, – сказала Алена, глядя на съежившуюся Аллу, – все-таки дурацкое это название – «Билет в икс-век». Поверьте, «Билет в десятый век» – куда интересней! Назови вы так свою турфирму, у вас бы отбоя от клиентов не было. Глядишь, не пришлось бы связываться со всякими преступниками, чтобы подзаработать.

Алла убито молчала.

Алена вздохнула. Да, оно хорошо бы... билет в десятый век, да на Рождество... ах, мечта! Ради этого можно и Парижем поступиться. Но где найти портал?!

Елена Арсеньева

Рождество по-русски

– Надеюсь, ты взяла с собой нарядное платье? И туфли-лодочки?

Подруга говорила с теми же интонациями, что и работающая мать, которая контролирует свое чадо по телефону. «Ты разогрела суп? А котлеты с макаронами? И не пей газировку, в холодильнике кастрюлька с компотом».

– Взяла, взяла, – успокоила ее Светлана и торопливо добавила: – Все, я закругляюсь. Уже подхожу к автобусу. Позвоню потом, вечером. Или завтра утром. В общем, как получится.

Автобус был чистенький и яркий и напоминал игрушку, приготовленную в подарок мальчишке. Он стоял напротив телецентра с открытой передней дверцей, будто бы приглашал в путешествие всех желающих. Светлана двигалась прямо к нему по скрипучему снегу мелкими шажками, напоминая пугливую птичку, заметившую хлебную корку.

– А *его* ты видишь? – прошипела подруга ей в ухо. – Видишь Арсеньева?

– Нет. Наверное, он сидит внутри. Или вообще еще не подъехал.

– Нужно сразу брать быка за рога, – напутствовала та. – Садись рядом с ним, ясно?

– Лера, ты должна понимать, что артист не может интересоваться каждой теткой, которая восхищается его талантом. Так что не жди от меня в понедельник приглашения на свадьбу.

– Тетка? – возмутилась Лера. – Тебе только тридцать. Еще десять лет можно считать себя девушкой.

– Пока, – бросила Светлана и сунула телефон в карман пальто.

Пальто она одолжила у сестры Тамары: ее собственное было слишком непрезентабельным для того, чтобы появиться в нем «в обществе». В сущности, Тамара сама была во всем виновата. Новогодний музыкальный телефильм «Пираты, пираты!» широко рекламировался в прессе, среди потенциальных зрителей проводились викторины и конкурсы. В одном из них неутомимая Тамара приняла участие и выиграла приз – поход в ресторан с исполнителем главной роли Олегом Арсеньевым. Приз она подарила младшей сестре, признавшись заодно, что отправила заявку от ее имени.

Уже был подобран сногшибательный брючный костюм – приталенный, с атласным воротником, – когда позвонили со студии и сообщили, что обстоятельства неожиданно изменились. В праздничные выходные Олег Арсеньев отправляется за город на съемки передачи «Рождество по-русски», поэтому в ресторан пойти не сможет. Однако победительнице конкурса предоставляется возможность присоединиться к участникам передачи. Если она согласна – следует паковать вещи.

Конечно, Светлана согласилась. И теперь кляла себя на чем свет стоит. Она будет выглядеть полной дурой. Кто там может быть среди приглашенных? Певцы, танцоры, политики и другие известные личности. И уж точно ни одного конторского служащего. Наверное, Арсеньев решит, что обязан ее развлекать. Как-то унижительно.

Светлана сощурилась, пытаясь разглядеть за стеклами автобуса хоть что-нибудь. Бесполезно. День выдался ослепительно ясным – солнце, не мигая, тарашилось на прохожих, из рта которых вырывались плотные облачка пара. Ночью город засыпало свежим снегом, он отчаянно хрустел под башмаками, и все шли, похрустывали и друг другу улыбались. Завтра Рождество!

С подножки автобуса соскочил пожилой мужчина в толстой куртке и, закулив сигарету, принялся прохаживаться взад и вперед. Светлана решила, что это шофер – у него был добродушный и слегка снисходительный вид, с каким все водители взирают на пассажиров.

– Простите, – обратилась к нему Светлана, торопливо преодолев последние трудные метры. – Я на передачу «Рождество по-русски». Мне в этот автобус, да? Сказали, что он будет на стоянке...

Она чувствовала себя самозванкой и ужасно нервничала.

– Седьмая, – удовлетворенно ответил шофер.

– Простите?

– Я говорю: вы – седьмая. Осталась только главная наша, Жанна Ольшанская. Как она появится, сразу поедом. Вы давайте, давайте, забирайтесь внутрь.

– А вы? – высоким ненатуральным голосом спросила Светлана.

– Я еще покурю покамест, – подмигнул он. – Можете звать меня дядей Петей.

Светлане не очень понравилась эта идея, но возражать она, ясное дело, не стала. Переложив сумку из левой руки в правую, она задала новый вопрос:

– А далеко нам ехать?

– Средне, – благодушно ответил дядя Петя. – А вы чего так нервничаете?

– Я никого не знаю, – тотчас призналась Светлана. – Из остальных... гостей передачи.

– Вот это да! – неожиданно раздался за ее спиной веселый голос. – Хотел бы я оказаться на вашем месте и никого из них не знать.

Светлана вздрогнула, мгновенно обернулась и оказалась лицом к лицу с Олегом Арсеньевым. Он спрыгнул на снег – шарф поверх свитера, знаменитая плутовская улыбочка, одна бровь выше другой, внимательные глаза, растрепанные волосы. Абсолютно несерьезная, несолидная, восхитительная внешность! Светлана сглотнула и пробормотала:

– Здравствуйте! Я, собственно, победительница...

Она не успела договорить, потому что на стоянку влетел низкий спортивный автомобиль и протяжно просигналил.

– Ну, дает, – пробормотал шофер, бросив окуроч в соседний сугроб. – Чего гудеть-то? Гудеть чего? Нервы, они требуют нежного обращения.

– У моей бывшей супруги нет нервов, – пробормотал Арсеньев, и Светлана тотчас вспомнила об их давнем, но громком разводе.

Тогда Арсеньев еще только завоевывал себе имя, а Жанну Ольшанскую, неподражаемую ведущую музыкальных шоу, уже знала вся страна. Она была из тех женщин, у которых на все есть собственное мнение – твердое, как базальтовая порода, и неприкасаемое, как папская булла. Жанна родилась, опередив на несколько секунд брата-близнеца, оказалась «характерным» ребенком, всегда добивалась своего и выросла ослепительной красавицей. Последним обстоятельством пользовалась широко и с удовольствием, откровенно презирая противоположный пол, который не мог устоять перед ее чарами.

Светлана мгновенно расстроилась. Она не планировала охмурять Арсеньева, но собиралась наслаждаться его обществом на всю катушку. Бывшая жена все испортит. В присутствии бывших жен даже самые жизнерадостные мужчины принимают боевую стойку.

Тем временем Жанна распахнула дверцу и выбросила из автомобиля стройные сильные ноги. Потом появилась вся – непозволительно высокая и возмутительно яркая. Вытащила из салона маленький чемоданчик, раскрашенный под леопарда, и широким шагом направилась к автобусу.

– Привет! – поздоровалась она, глядя прямо на Арсеньева. – Давно не встречались. И ты не звонил.

– С чего бы мне звонить? Чтобы заставить поревновать твоего мужа?

– Мой муж ревнует только контракты, ушедшие на сторону. Кстати, мне нужно будет кое-что с тобой обсудить.

– Со мной? – удивился Арсеньев и неожиданно сообразил: – Да не ты ли организовала мое участие в этой передаче? Мне буквально выламывали руки, чтобы я поехал. Хотя я не собирался встречать Рождество с чужими людьми.

– Разве мы чужие друг другу? – вкрадчиво спросила Жанна и вдруг заметила дядю Петю и Светлану, которые стояли рядом и все слышали. – А вы кто? – с неудовольствием спросила она, переводя глаза с одного на другую.

– Я шофер, – поспешно ответил дядя Петя.

Светлана кашлянула и низким боцманским голосом произнесла:

– А я Светлана.

– Я не спрашиваю, как вас зовут, – раздраженно заметила Жанна. – Я спрашиваю – кто вы?

– С-статистка.

– Фр-р, – брезгливо сморщила нос «звезда» и полезла в автобус, держа чемоданчик перед собой.

– В смысле – занимаюсь статистикой... – пояснила Светлана прямой спине. – В статистическом центре. Я главный научный сотрудник...

– Ей все равно, – ободрил Свету Арсеньев и похлопал по плечу. – Лезьте в салон, да поскорее. И вы тоже, – обратился он к шоферу. – А то Жанна уедет без вас, она умеет водить автобус.

Дядя Петя поспешно прыгнул на нижнюю ступеньку, а Арсеньев попытался отнять у Светланы ее сумку, но она ни за что не хотела отдавать.

– Чего это вы упираетесь? – засмеялся он. – Честное слово, я сильный и смогу донести ваше добро до места. Или у вас там мешочек с фамильными драгоценностями? Так я не только сильный, но и честный.

Девушка была прехорошенькая. Ему понравились ее серьезные глаза и завернутые вверх уголки губ, понравился ее румянец во всю щеку и отважная борьба с собственным смущением. Рядом с ней Арсеньев почувствовал себя страшно любезным парнем. Мужчины всегда симпатизируют тем, кому покровительствуют. Он решил, что в рождественскую ночь обязательно поцелует ее под елкой – пусть у человека останутся сильные впечатления от праздника.

– Люди, знакомьтесь, это наша последняя гостья, – громко возвестил он, остановившись в проходе и протолкнув свою протезу вперед.

– Добрый день! С наступающим Рождеством! – сказала протезе тошненьким неуверенным голоском. Давешний бас куда-то подевался. – Меня зовут Светлана.

На нее уставились шесть пар глаз. Жанна Ольшанская, которая уселась впереди, неподалеку от водительского места, и уже успела основательно расположиться на двух сиденьях, немедленно откликнулась:

– А я Жанна.

Остальные засмеялись. Не считая Арсеньева и дяди Пети, здесь оказалось еще четверо мужчин. Все они сидели порознь – в затылок друг другу. Двоих Светлана узнала с лету. Григорий Волчков, эстрадный пародист, маленький, с крепким пузцом, подмигнул круглым глазом, словно они были сто лет знакомы. Короткие, стоящие торчком волосы и вечно потный лоб делали его похожим на всклокоченного младенца, с которого только что сняли чепчик. В довершение ко всему он болтал ногой, которая, кажется, едва доставала до полу. Образ своего парня очень ему подходил, он это знал и вжился в него основательно.

Второй известной личностью был Артем Холодный, солист и руководитель группы «Углекислый газ», которая достигла пика популярности не меньше пятнадцати лет назад. Теперь музыканты попали в список «монстров отечественного рока» и изо всех сил погоняли былую славу, выжав почти досуха старые хиты.

Артем Холодный взглянул на Светлану глазами мудрого пса – он вел бурную жизнь, некоторое время сильно пил, не отказывал себе во всех человеческих удовольствиях. Печать этих удовольствий теперь лежала на его лице – несмываемая и неприятная. У него были корот-

кие волосы, белесая щетина, добавлявшая ему лишний пяток лет, серьга в ухе и перстень на мизинце правой руки – массивный, как кастет.

– Салют! – Артем вяло помахал рукой и откинулся на спинку сиденья, не проявив к Светлане особого интереса.

– Проходите, проходите, – подтолкнул ее Арсеньев. – Где хотите приземлиться?

– Наверное, вон там... Чуть дальше, – поспешно ответила та и быстро двинулась в хвост автобуса. Знаменитости сидели поштучно и кивали ей с разной степенью приветливости. Худой мужчина в очках с золотыми дужками подарил ей персональную улыбку, а крупный, лохматый человек рыкнул:

– Девушка, вы можете стать моей музыкой!

– Это Владимир Грызунов, – пояснил Арсеньев, продолжая играть роль опекуна. – Большой в прямом и переносном смысле художник, работающий с природными материалами.

Грызунов развернул мощное туловище назад и застенчиво уточнил:

– Можно просто Вова. Вообще-то я делаю картины из песка, камней, раковин и водорослей. Так сказать, маринист.

– Да какой ты маринист? – неожиданно вмешалась в их разговор невидимая глазу Жанна Олышанская. Ее хриловатый голос звучал на весь салон. – Наклеиваешь на холсты сушеных пиявок.

– Это были морские звезды, Жанна, – возразил Грызунов. – И они ушли по хорошей цене.

– Я всегда знала, что у тебя торгашеская душонка.

– Ну-с, – заметил Арсеньев, обращаясь к Светлане, – мотор ревет, мы скоро тронемся в путь. Если заскучаете, заходите в гости.

Он мотнул головой, показывая, где его собственное место. При этом абсолютно точно знал, что она приглашением не воспользуется и не переберется к нему во время пути. Кто угодно, только не она! У нее на лбу написано хорошее воспитание и подкупающе серьезное отношение к жизни. Арсеньев решил, что целовать ее можно, а вот ухаживать – нельзя. В серьезных и хорошо воспитанных молодых дамах скрыты чудовищные запасы романтичности. Они залегают на самой глубине, под толщами социально-культурных наслоений. Но если неосторожно разбудить нежные чувства, все это добро полезет наружу и начнется такое землетрясение...

Арсеньев хмыкнул и пошел прочь. Светлана тихонько вздохнула ему вслед и тут услышала голос:

– Я тоже здесь никого не знаю.

Голос был женским, и ей пришлось извернуться, чтобы увидеть, кому он принадлежит. Принадлежал он девушке лет двадцати двух, которая устроилась на самом длинном сиденье у окна. Она была завернута в яркую спортивную куртку.

– Меня зовут Ася. – Девушка поправила светлую челку, из-под которой выглядывала, как из-под козырька. Волосы у нее были прямыми и падали до плеч, постриженные по линейке. – Я сюда буквально в последнюю минуту попала. Сама не ожидала.

– Я выиграла конкурс, – сообщила Светлана, вспомнив неумемный восторг сестрицы. – В журнале. И вот...

– Ой, я тоже выиграла конкурс! – воскликнула Ася и подпрыгнула вместе со своей челкой, потому что автобус, тихо заворчав, уже выбрался на шоссе, неловко перевалившись через бордюр.

– Какого черта мне не дали поехать на своей машине?! – немедленно вознегодовала Жанна во весь голос. – Что за пионерский лагерь «Огонек»?! Почему я должна трястись тут вместе со всеми, как леденец в коробке? Я привыкла к комфорту, хотя бы к элементарному.

– Вас же много, знаменитостей! – громко крикнул дядя Петя через плечо. Водительское место отделяла от салона только перегородка, и при желании он мог общаться с пассажирами. –

И вы дороги не знаете. Что же, мы бы так и ехали караваном? Да и машинки ваши там не пройдут, куда мы едем, – посадка у них не та.

– Бардак! – продолжала разоряться Жанна. – Организация на грани фантастики! Вечером звонят, называют одно место, утром перезванивают – называют другое. То мы едем сами, то нас везут... И где съемочная группа?

– Съемочная группа уже там, – снова откликнулся шофер. Он единственный из всех был в курсе дела. – Да вы не волнуйтесь, отдыхайте! Можете поспать.

– Спать?! Вы ненормальный? Днем спят только глупые куры и старые дуры.

Артем Холодный наклонился через проход к Арсеньеву и вполголоса спросил:

– Она, конечно, красавица, но ужасная стерва. Сколько вы прожили в браке?

– Год.

– И как ты выдержал?

– Ну... Она, конечно, ужасная стерва, но ведь и красавица, – равнодушно заметил тот.

Шофер дядя Петя оказался крутым мужиком и вел автобус на такой приличной скорости, что Светлана предпочла не смотреть в окно, сосредоточив внимание на Арсеньеве. Она видела кусочек спины, локоть и иногда – если он вдруг поворачивал голову – знакомый профиль. Он был совсем рядом с ней – удивительное чувство! Она, конечно, не была влюблена в актера, как юная фанатка, просто восхищалась его талантом и обаянием. Он для нее – одно из чудес света. Пообщаться с Олегом Арсеньевым – все равно что увидеть Эйфелеву башню. Правда, Эйфелева башня вряд ли привела бы ее в такое смущение. У башни не было пытливых глаз и пылкой улыбки. Ни известный пародист Гриша Волчков, ни перезрелый суперстар Артем Холодный, ни даже блистательная Жанна Олышанская не произвели на нее столь сильного впечатления. Это был всего лишь достойный Арсеньева фон, не более того.

Автобус бежал все дальше и дальше, оставляя позади себя городки, городочки и городишки. Потом пошли поля, запорошенные снегом, и узкие шоссе, на которых двум машинам было не разъехаться.

– Господи, и куда же нас завезли? – с беспокойством спросил мужчина в очках с золотыми дужками – единственный, с кем Светлана до сих пор не познакомилась. Он высунул голову в проход и уже громче возмутился, обращаясь, по-видимому, к дяде Пете: – Мы час плутаем по ужасным дорогам! Что это за место такое заповедное? Наверняка туда есть прямой путь. Может быть, мы заблудились?

– А у меня уже полчаса как отрубился мобильник, – поддержала его Жанна, которая практически всю дорогу проговорила по телефону и теперь сидела с недовольной миной на лице. Поскольку она то и дело оборачивалась назад, эту мину все отлично видели. Светлане все это совсем не нравилось. Ей казалось, что Жанна смотрит только на бывшего мужа. Интересно, что она задумала?

– Ася, вы не знаете, за кого Жанна во второй раз вышла замуж? Кто такой Олышанский? – тихонько спросила она у соседки сзади, всунув голову в просвет между сиденьями. Может быть, девица читает светскую хронику и что-нибудь слышала.

– Олышанский? – Ася растерянно посмотрела на нее. Пожалуй, даже испуганно. И так резко выпрямилась, что ее лопатки, вероятно, стукнулись друг о друга, а нежная девичья шейка сильно высунулась из куртки. – Н-нет, – ответила она после некоторой заминки. Светлана заметила, что кончик носа у нее белый – не то от холода, не то от волнения. – Я понятия ни о чем таком не имею. Я просто выиграла конкурс и вот...

– Кажется, мы приехали! – громыхнул на весь салон художник Грызунов и завозился, высвобождая тяжелое туловище из тисков сиденья.

«Может быть, Олышанский – какой-нибудь мафиози? – подумала Светлана. – Сейчас модно выходить замуж за бандитов. И, главное, выгодно. Поэтому Ася так испугалась. Наверняка она знает, кто такой Олышанский, только не хочет рассказывать».

В этот момент автобус тряхнуло, он в последний раз коротко рывкнул и перестал вибрировать. Дверь открылась, и сладкая тишина ворвалась в салон вместе с морозцем и хвойным духом. Все засобирались, загомонили. Светлана одной из первых выпрыгнула на снег и обомлела – такая вокруг была красотища. Белый двухэтажный дом с балкончиками, со всех сторон окруженный громадными елками, казался замком Спящей красавицы, затерявшимся в лесу. Другие дома стояли далеко, еле видные глазу, некоторые были огорожены здоровенными заборами. «И куда же мы забрались?» – удивилась Светлана, и в этот момент шофер посигналил.

В доме тотчас открылась парадная дверь, и на пороге появился симпатичный толстяк в цветастом фартуке поверх спортивного костюма. У него была «кондитерская» внешность – сдобное лицо, сахарная улыбка и розовые яблочки щек.

– Добро пожаловать! – громко воскликнул он. – С приездом вас! Еда уже готова.

– Какая еда?! – рывкнула Жанна, бросив свою сумку на землю. От удара вверх взметнулись целые столбы сухого снега. – Мы сюда не обжираться приехали.

– Дык... – тотчас стушевался повар. – Надо же ж кушать!

– Даже съемочный процесс, дорогая, – заметил Арсеньев, – требует продовольственной подпитки.

– Ну конечно, – откликнулась Жанна. – Я и забыла. Мужчинам все свои процессы приходится стимулировать.

В этот момент из автобуса вывалился Грызунов, подставил лицо солнцу и захохотал. Вероятно, вольный дух пробудил в нем первобытные инстинкты.

– Вот это пейзаж! – возликовал он, встряхиваясь, словно крупное животное. Его массивность и лохматая голова постоянно наводили на мысли о зоопарке. – Хороший домик, верно?

Ответила ему Жанна, замершая в позе покорительницы Дикого Запада – ноги на ширине плеч, руки в бока.

– Лично мне не нравится место, где не работают мобильные телефоны. Здесь есть какая-нибудь связь с миром?

– Кто ж его знает? – отозвался Гриша Волчков. В стоячем положении он был еще мельче, чем показался на первый взгляд, и доставал невысокой Светлане точно до мочки уха.

Все гуськом потянулись в дом. Светлана наклонилась, чтобы поднять сумку, но ее опередили.

– Разрешите мне? – мягко потребовал кто-то.

Она обернулась и увидела того самого мужчину в очках, которого ей не представили.

– Николай Жуков, – тотчас сообщил он. – Я не артист и не космонавт, так что можете не пытаться вспомнить. Меня никто не знает в лицо.

– Вы что, разведчик?

– Я врач. Занимаюсь пластической хирургией.

Он был высокий, жилистый и внутренне собранный. За стекляшками, нанизанными на золотые дужки оправы, притаились спокойные не улыбочивые глаза.

– Знаменитости обожают проводить в моем обществе выходные. Я для них – ходячая энциклопедия чудес современной медицины.

Вдвоятером они вошли внутрь своего нового пристанища и сгрудились посреди квадратной комнаты с большим камином. Здесь было все, чему положено быть в загородном доме, – голова лося над дверью в гостиную, старинные кинжалы на стене, шикарный ковер, массивная мебель, обитая гобеленом.

– Где, к чертям собачьим, съемочная группа?! – свирепо спросила Жанна Ольшанская, швырнув свой чемоданчик в ближайшее кресло.

В напольной вазе испуганно вздрогнули хохолки сухой травы.

– Наверное, скоро появится, – тотчас откликнулся дядя Петя. Голос у него был расстроенный. Судя по всему, он не был готов держать оборону слишком долго.

– А чей это дом? – спросил Артем Холодный, теребя серьгу в ухе и оглядываясь по сторонам с невероятным любопытством.

– Понятия не имею, – признался дядя Петя. – Меня сюда привезли, все показали... Вот ребят тут оставили – вас встречать.

В понятие «ребята», кроме повара, входил еще юноша Витя – худой и смуглый, как поджаренное кофейное зерно.

– Дом новенький, телефонную линию еще не подвели, – радостно сообщил он, глядя на Жанну Ольшанскую с молодецкой наглостью.

– Но мы ведь собираемся торчать здесь двое суток! – гаркнула та.

– Милая, – по традиции вмешался Арсеньев, – миру пойдет только на пользу, если он двое суток ничего о тебе не услышит. В конце концов, ты не бизнесменша, чтобы переживать из-за своих вложений.

– Ну, это как сказать, – пробормотала Жанна. – Ты ведь не знаешь, чем я занималась в последнее время...

– А где мы будем спать? Где моя замечательная маленькая спальня? – неподражаемым голосом известного депутата возопил на всю комнату Гриша Волчков.

Все заулыбались, а дядя Петя даже крикнул. Ему было на руку, что Жанну отвлекли от темы. Надо сказать, «звезда» с самого начала казалась ему воплощением скандала.

Николай Жуков снова вызвался тащить Светлану сумку. Глядя ему в спину, она подумала: «Симпатичный мужик. Может быть, стоит с ним пофлиртовать? Или вообще пуститься во все тяжкие?» Так что когда хирург сгрузил ее вещи возле ближайшей комнаты и обернулся, то заметил на ее лице две широких борозды румянца. Румянец был тяжелый и темный, точно кровь на месте преступления.

«Кажется, я ей понравился, – подумал Жуков без тени волнения. – В конце концов, это может оказаться не только полезным, но и приятным. Она недурна собой, стройна и, по всей вероятности, одинока». Мысли его препариовали Светлану, точно скальпель – подопытное тело.

– Вот, – сказал он в ее пылающее лицо, сообразив, что она думала про него что-то эдакое, фривольное. – Если вас устроит эта дверь...

– Отлично, – быстро согласилась Светлана.

– Здесь даже есть «глазок».

– И вы можете наблюдать, кто бежит по коридорам, – подхватил Грызунов, отдуваясь после подъема по лестнице и загоразивая проход остальным.

Комнатка оказалась маленькой и уютной, с занавесками в английских розочках и фарфоровыми безделушками на комод. Светлана разобрала вещи, причесалась, подкрасила губы, вдела в уши красивые сережки и посмотрелась в зеркало. Как всегда: миленько и простенько. Она, конечно, не Жанна Ольшанская. Может быть, стоило все-таки надеть тот брючный костюм? Наверное, никто не обратил бы на него внимания, но хорошая одежда как-то возвышает женщину в собственных глазах.

Она легла на кровать поверх покрывала и, закинув руки за голову, принялась мечтать о том, как встретит Рождество в компании с Олегом Арсеньевым.

Спускаясь на первый этаж, она встретила Жукова. Они вместе вошли в столовую размером с футбольную площадку и натолкнулись на Арсеньева.

– Здесь столько места! – восхитился он вслух. – Воздух, воля!

Светлана засмеялась – настроение у нее неожиданно поползло вверх, как ртуть в градуснике горячего больного. Арсеньев совсем рядом! Вот он, разговаривает с ней, смотрит на нее, показывает ей вид из окна.

– Садитесь поближе, – в довершение всего сказал он и отодвинул для нее стул с массивной спинкой.

Светлана мельком взглянула на Жукова и поспешно села. Хирург, не моргнув глазом, устроился по другую руку от нее. Потихоньку все стали стягиваться на запах. Запах из кухни действительно доносился умопомрачительный.

– Вероятно, повара нам прислали первоклассного, – заметил Арсеньев. – Поэтому есть надежда, что Жанна не выгонит его из дому за какую-нибудь мелкую оплошность.

Не успел он договорить, как Жанна подала голос из соседней комнаты:

– Боже мой! Посмотрите, какая здесь елка! Нет, идите все сюда сейчас же, вы должны это видеть! Идите, идите, не пожалеете!

Улыбаясь, вся компания задвигала стульями.

– Грешно не откликнуться на такой горячий призыв, – пробормотал Грызунов, явившийся к столу в клетчатой рубашке и полосатом галстуке. – Пошли смотреть елку.

Дверь в соседнюю комнату была дворцовая, богато инкрустированная, и художник толкнул ее мощной грудью, разведя створки двумя руками.

– Ах! – воскликнула Ася, ступив на узорный паркет. – Вот это да!

Выглянув из-за ее плеча, Светлана тоже чуть было не ахнула во весь голос. В большущей комнате с зеркальной стеной стояла живая елка – огромная, пушистая, упоительно ароматная, украшенная блестящими серебряными игрушками, сосульками и бантами. Макушку венчала звезда размером с блюдо для торта. Жанна Олышанская с горящими от возбуждения глазами стояла подле наряженного дерева и ждала, пока восхитятся все до одного – как будто елка была ее рук делом.

– Предлагаю устроить грандиозный вечер! – воскликнула она, потирая руки. – Сегодня ночь перед Рождеством, мы можем тут так оторваться! Хрен с ней, со съемочной группой. Раз уж мы сюда попали, давайте веселиться. И – чур! – все красиво оденемся к ужину. Идет?

Она и так была красиво одета и могла бы украсить собой любой вечер.

– Ну ладно, – согласился за всех Артем Холодный. – Мы, собственно, не против. Ночь перед Рождеством – это, конечно, повод, чтобы оторваться.

– И это будет как бы репетиция завтрашних съемок, – подсказал подоспевший дядя Петя. На нем был черный свитер, который навеки пропитался табачищем. – Все-таки дело есть дело, верно? – спросил он и заискивающе сузил глазки в сторону Жанны.

– Кстати, мы тут для того, чтобы возрождать русские рождественские традиции, – напомнила та. – Кто знает, что раньше ели на Рождество?

– Свиной, – немедленно откликнулся неслышно возникший в проеме двери повар, которого, как выяснилось по ходу дела, звали Демьяном. – Гусей ели или индюшек, рябчиков, а также уток и баранину. Еще щи, поросенка с кашей...

– Короче, мели все подряд, – хмыкнул Арсеньев. – А сегодня, между прочим, сочельник. До первой звезды на стол не накрывают. А как звезда взойдет – можно только кашу есть.

– Точно! – оживился Гриша Волчков. – Кутью. Раньше ее ставили под образа, на сено, в дар Христу. Потом в церкви звонили ко всенощной...

– Да вы что?! – Демьян отступил на два шага, словно горничная, чей господин заявил, что ее интересное положение его не касается. – Я же жарил, варил, пек...

– Ладно-ладно, – успокоил его движением руки Артем Холодный. – Мы, в конце концов, приехали возрождать традиции, а не слепо им следовать. Вот возродим, и тогда уж, на следующий год...

– Следующий год может оказаться для тебя не слишком удачным, – желчно заметила Жанна, смерив певца надменным взором.

Кажется, всякий из присутствующих вызывал у нее негативные эмоции и желание хоть как-нибудь его да ужалить. Поразительно, но ей все сходило с рук.

– Что же, мы два дня подряд будем возрождать традиции исключительно за столом? – на всякий случай уточнил Арсеньев, обращаясь непосредственно к повару.

– Сегодня у меня курица в экзотическом соусе, – зачастил тот. – А завтра прирежем Робина-Бобина...

– Кого?!

– Мы привезли с собой поросенка, он бежит где-то здесь. Вы его не встречали? Наверное, лопает очистки на кухне.

– Отъедается напоследок, – пробормотал Грызунов. – Бедная скотинка...

Бедную скотинку первой довелось увидеть Светлане. Вернее, даже не увидеть, а осознать. Когда возрождатели традиций вернулись в столовую и курица в экзотическом соусе была наконец подана, что-то мокрое и живое потрогало Светлану за коленку. Она подавила крик, отдернула ногу и посмотрела на сидевшего слева Арсеньева, который то и дело подкладывал ей салатки. Заметив выражение ее лица, он наклонился поближе и тихо, по-свойски так, сказал:

– Да ладно вам смущаться! Мне повезло сыграть в нескольких хороших фильмах, вот и все. В остальном я такой же мужчина, как все прочие. – Не удержался и добавил: – При желании можете проверить.

И тут Светлана заметила пятачок, который высунулся из-под скатерти.

– Свинья! – радостно воскликнула она, сообразив, что видит самую любопытную часть Робина-Бобина.

– Ну, прям так уж и свинья, – игриво возразил Арсеньев.

– Поросенок, – поправилась Светлана.

– Поросенок – совсем другое дело. Звучит даже ласково. Я бы сказал – многообещающе. «Она флиртует со мной!» – удивился Арсеньев. И сам себе наказал: – Олег, будь осторожен. Будь чертовски осторожен».

Между тем обреченный на съедение Робин-Бобин тихо хрюкнул и пал на Светланины ноги. Вероятно, от нее исходили какие-то положительные в свинском понимании флюиды, или же просто на ковре валялось много крошек.

– Слушайте меня! – возвестила тем временем Жанна Ольшанская. – Давайте все вместе подумаем, как оживить эфир.

– Жанночка, у них наверняка есть сценарий, – скучным голосом заметил Артем Холодный, ковыряя вилкой квашеную капусту.

– Да плевать на сценарий, – немедленно решила та. – Мы можем тут такое закатить... Выкладывайте, что вы знаете про русское Рождество.

– Накануне праздника шесть недель постились, – сообщил Гриша Волчков, засовывая в рот жареное крылышко. – А после Рождества пускались в загул. Кормили всех подряд до отвала – родных, друзей и случайно зашедших путников.

– Боже мой, ну хватит про еду! Меня уже тошнит от вашей желудочной романтики.

Белокурая Ася тихо хихикнула. Робин-Бобин под столом издал утробное урчание. Светлана взяла кусочек хлеба и незаметно бросила под скатерть. Туша шевельнулась и освободила ее ноги. Потом громко хрюкнула.

– Вы что-то сказали? – спросил Жуков, наклонившись к Светлане.

– Н-ничего, – выдавила она. – Впрочем, я сказала, что вы забыли про Святки. На Святки можно погадать.

– Ну конечно! – хлопнула ладонью по столу Жанна. – Как это я не сообразила? Святки! Там и переодевались черт знает во что, и плясали, и спектакли показывали. И гадали на всем, на чем попало. Ох, погадать было бы классно...

Шофер дядя Петя, который незаметно для себя оказался в роли хозяина дома, подал голос со своего места:

– А у нас тут книжка про гадания есть. – Он торопливо поднялся и метнулся в кухню, крикнув на ходу: – Витька! Где книжка?

А уже через минуту вернулся с симпатичным томиком и протянул его Жанне Ольшанской, молчаливо признавая ее главной.

– «Святочные гадания», – вслух прочитала она. – Отличная находка! Ну-ка, посмотрим, что тут есть... О-о! То, что нужно. Невероятная пропасть способов. Так-так... Гадать нужно вечером, а еще лучше – ночью.

– Замечательно, – буркнул Грызунов. – Вот поужинаем – и начнем.

– Ты что, проголодался? – с подозрением спросил Арсеньев, который сидел, подперев голову рукой. – Я даже думать не могу о сегодняшней курице. А уж о завтрашнем поросенке и подавно.

Вышеупомянутый господин, надо заметить, до сих пор так и не показался никому на глаза. Светлана чем-то страшно ему понравилась, и он устроился возле ее стула, словно преданная собака. Она не удержалась и потрогала его правой ногой, попытавшись определить скотские габариты. Поросенок оказался не слишком большим и в ответ на поглаживание издал протяжный упоительный хрип.

– Вижу, вам очень понравился сегодняшний обед, – мгновенно обернулся к ней Жуков.

– О, да! – ответила она. – До поросячьего визга.

– Ну, слушайте же! – прикрикнула на них Жанна. – Так. Что тут у нас? Читаю по списку. Гадание по кольцу. Гадание на скорлупе грецких орехов. Гадание на расческе. Гадание по теням. Гадание на зеркалах. Гадание на луковичах.

– Как это? – заинтересовался Гриша Волчков.

– Девушки сажают в землю луковичы. Чья первой даст росток, та девушка первой выйдет замуж.

– Да, жаль, что я не девушка.

– Гадание на иглах, на нитках, на еловых ветках, гадание на рябине. Гадание на куриных костях...

– О! – воскликнул Грызунов. – Это как раз то, что нам нужно. Костей после обеда осталось видимо-невидимо!

– И как гадают на костях? – с подозрением спросил Арсеньев.

– «Косточки нужно собрать в холщовую тряпочку, – зачитала Жанна. – Ночью вынести на улицу и закопать в снег. Загадать желание и произнести заклинание: «Кости-косточки, скажите, быть моему желанию в исполнении или нет?» Если утром костей на месте не окажется, желание не исполнится».

– Какое-то собачье гадание, – с отвращением сказал Артем Холодный. – А нет там чего-нибудь простого и ясного? Гадания на картах, например?

– Не знаю, есть ли в этом доме карты, – засомневалась Жанна.

– Есть! – обрадовал благородное собрание дядя Петя. – Щас принесу.

– И прихватите пепельницу, смерть как курить хочется.

– А как, как гадать на картах? – заинтересовалась Ася и поелозила на массивном стуле.

Без своей огромной куртки она выглядела субтильной, словно девочка-циркачка, которая умеет проделывать со своим телом умопомрачительные вещи. Обрюзгший Артем Холодный на протяжении всего обеда поглядывал на нее с гораздо большим аппетитом, чем на пресловутую курицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.